

# **История войн и военного искусства**

В книгу вошли очерки и отдельные главы из трудов Ф. Меринга, в которых освещается эволюция военного искусства, начиная с греко-персидских войн до наполеоновских. Для читателя будет необычным то, что историю ряда войн автор рассматривает с позиции Пруссии и ее национальных интересов. Но эта позиция Ф. Меринга делает книгу еще более увлекательной, захватывающей. Она рассчитана на широкий круг читателей и, несомненно, не оставит их равнодушными, пробудит еще больший интерес к военной истории.

Данная книга расскажет об этом и станет практическим руководством на пути к получению высших руководящих должностей.

Франц Меринг

# ИСТОРИЯ ВОЙН И ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Центр учебной литературы  
Киев – 2020

УДК 355.48  
ББК 63.3(0)4  
М 52

**Меринг Франц.** История войн и военного искусства. – К.: Центр М 52 учебной литературы, 2020. – 526 с.

**ISBN 978-611-01-1088-4**

В книгу вошли очерки и отдельные главы из трудов Ф. Меринга, в которых освещается эволюция военного искусства, начиная с греко-персидских войн до наполеоновских. Для читателя будет необычным то, что историю ряда войн автор рассматривает с позиции Пруссии и ее национальных интересов. Но эта позиция Ф. Меринга делает книгу еще более увлекательной, захватывающей. Она рассчитана на широкий круг читателей и, несомненно, не оставит их равнодушными, пробудит еще больший интерес к военной истории.

Данная книга расскажет об этом и станет практическим руководством на пути к получению высших руководящих должностей.

**ISBN 978-611-01-1088-4**

© Меринг Ф., 2020.  
© Центр учебной литературы, 2020.

---

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Франц Меринг (1846—1919), очерки которого по истории войн и военного искусства вошли в эту книгу, известен как блестящий знаток военной истории, филологии и литературы. Еще во время учебы в университетах Лейпцига и Берлина Меринг проявляет талант исследователя, публициста. Это определило то, что он в начале 1860-х годов становится журналистом, во многих своих публикациях критикует социалистов, но после франко-прусской войны 1870—1871 гг. выступает против аннексии Эльзас—Лотарингии, произведенной германским правительством в результате победы над Францией. После этой войны Меринг стал поддерживать преследуемых социал-демократов, вступил в их партию, стал одним из ведущих сотрудников в ее теоретическом и политическом еженедельнике «*Neue Zeit*» («Новое время»).

Интерес Меринга к вопросам истории войн и военного искусства стал проявляться в первое десятилетие XX в. по мере нарастания угрозы мировой войны. С 1908 г. он постоянно публикует в «*Neue Zeit*» статьи по вопросам военной истории. Как исследователя его характеризует сочетание марксистских взглядов на развитие исторического процесса с хорошим знанием истории как таковой и германской в особенности. Из этого проистекают две капитальные особенности его научного метода: первая, он весьма популярно излагает суть развития военного искусства с точки зрения марксизма, т. е. постоянно педалирует тезис о том, что военное искусство развивается строго в соответствии с развитием производительных сил общества, у Меринга это товарно-денежные отношения, позволяющие создать все более сложную и гибкую государственную машину и финансовый аппарат, необходимые, по мнению автора, для успешного ведения войн. При такой схеме изложения у Меринга почти не остается места для полководческого гения, его оттесняют сентенции обычно следующего рода: «*Вся история войн может быть понята только, если свети ее к ее экономическим основам. Если же считать движущей силой большую или меньшую «гениальность» полковод-*

цев, войны превращаются в исторический роман»<sup>1</sup>. Еще жестче он решит проблему «первенства» в военном деле мысли и индивида: «Чем сильнее и непосредственнее соприкосновение с бытием, тем яснее и быстрее развивается сознание. На войне солдат, как правило, гораздо быстрее офицера поймет положение вещей и будет инстинктивно действовать сообразно с этим пониманием, а наивысший «гений» полководца состоит в том, чтобы понять внутренние причины инстинктивных действий солдат и решительно действовать сообразно этому пониманию»<sup>2</sup>. После вышеприведенных суждений уже не может удивить такая оценка Мерингом величайшего из полководцев Древнего Рима: «В конечном счете Цезарь победил в Галльской войне не благодаря своему исключительному гению, но вследствие того превосходства, которым обладало римское военное искусство, как таковое, над военным искусством варваров»<sup>3</sup>.

Встав на подобную точку зрения, Меринг был, возможно, и прав в 1908—1909 гг., когда писал эти строки, явно полемизируя с тогдашними немецкими и другими официальными военно-историческими школами, рассматривавшими военное искусство как результат сугубо индивидуальной деятельности героев-полководцев. Однако такое, как у него, принижение роли полководца, до положения «приказчика» при историческом процессе, приводит Меринга подчас к более чем странным, хотя и не лишены ядовитости, оценкам военного искусства великих военачальников. Вот как историк характеризует планы Наполеона в походе 1806 г. против Пруссии: «Он (т. е. Наполеон — авт.) знал, что происходило в лагере противника. “Все перехваченные письма показывают, — так писал он одному из своих генералов, — что враг потерял голову. Они совещаются дни и ночи и не знают, что им делать”. Так как они этого не знали сами, то Наполеон и подавно не мог этого знать, но раз уж он пошел на Лейпциг или на Берлин, то они должны были где-то преградить ему путь, а это значило, что он наверняка разобьет их наголову»<sup>4</sup>.

Может быть и не стоило бы подробно комментировать подобные высказывания маститого автора, но на них воспитывалось в свое время несколько поколений читателей, приучавшихся

---

<sup>1</sup> См. Внешняя и военная политика Фридриха II. п. 2. К психологии Семилетней войны.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См. История военного искусства. п. 4. Ганнибал и Цезарь.

<sup>4</sup> См. Катастрофа (Йена и Тильзит). п. 3. Две битвы.

таким образом к схематичному, облегченному взгляду на военное искусство, восприятию его только как столкновения неких «количеств» батальонов, дивизий, корпусов, тысяч танков и орудий и успех столкновений этих «количеств» зависел от «качеств» самих же «количеств», проистекающих от все того же развития производительных сил и порожденного ими социального строя более или менее «справедливого» или «прогрессивного». Этот опасный путь расчеловечивал историю, уводил ее в ложные категории некоей «чистой» социальной психологии, забывая, что каждый человек неповторимая индивидуальность и его именно личность и налагает свой единственный чекан на его профессиональную и историческую деятельность.

Так что же, может быть книга Меринга уже более не нужна из-за методологии автора? Отнюдь нет, устарел и обанкротился метод, но не тонкость наблюдений историка, не его всеокрушающая ирония и цинизм по отношению к «гогенцоллерновской легенде» и официозной историографии, не устарело тонкое и глубокое знание немецкой истории и культуры, не устарел блестящий язык, манера общения с читателем, популярность изложения, делающая доступными тончайшие хитросплетения истории XVI — начала XIX в.

Второй особенностью Меринга является его уважительное отношение к великим прусским военным реформаторам начала XIX в., заложившим основу военного величия и могущества Пруссии—Германии во второй половине XIX — первой половине XX в., Шарнгорсту, Гнейзенау, Клаузевицу. Историк очень скрупулезно и даже любовно показал усилия Шарнгорста и его сподвижников по созданию народной армии в Пруссии, прогрессивный характер их деятельности, и даже откровенно намекает, что именно они-то и явились подлинными наследниками наполеоновского военного искусства. В этом смысле для тех, кто интересуется историей военного дела в Пруссии эпохи наполеоновских войн, книга Меринга может послужить весьма полезной первой ступенью. Для российского читателя будет интересным и необычным то, что сама история борьбы с Наполеоном, и особенно в 1812—1815 гг., рассматривается автором именно с позиции Пруссии и ее национальных интересов. Как ни странно, но в этом Меринг оказался достаточно близок к официальной германской военной историографии своего времени. Вот как он характеризует результаты битвы при Ватерлоо: «Наполеон надеялся, что победой при Линьи ему удастся сделать прусскую армию недееспособной... Его расчет оказался неверным, потому что пруссаки отступили не на восток, а на

север, не удалившись, таким образом, от английской армии, а наоборот, приблизившись к ней. Приказ об этом вечером, после битвы при Линьи, отдал Гнейзенау... Это было очень смелое решение, однако оно оказалось важнейшим для судьбы всей компании. Когда Наполеон 18 июня пошел на английскую армию, расположенную на небольших высотах около Мон-Сан-Жана, его победа была практически обеспечена, но в этот момент прусская армия после изнурительного форсированного марша ударила ему во фланг. Французская армия потерпела ужасающее поражение и была совершенно рассеяна непрерывным преследованием, которое Гнейзенау продолжал до полного изнеможения своих кавалеристов и их коней. Этим исход войны был решен, стодневное правление Наполеона пришло к концу»<sup>1</sup>.

Чтобы откомментировать это утверждение Меринга, равно как и следующее: «В военном отношении кампанию выиграла прусская армия — в этом не могло быть никакого сомнения, несмотря на двусмысленные речи, с помощью которых Веллингтон немедленно стал пытаться извратить этот факт. Целиком и полностью придерживаясь, как и полагалось в английском наемном войске, старой тактики, он не мог бы долго противостоять атакам отборных французских войск, и был спасен пруссаками»<sup>2</sup>, потребовалось бы гораздо более места, чем это может предоставить скромный объем вступительной статьи. А поэтому, завершая ее, хочется заметить: книга Франца Меринга, вне всякого сомнения, не оставит вас равнодушной и пробудит еще больший интерес к военной истории.

---

<sup>1</sup> См. От Калиша до Карлсбада. п. 9. Сто дней.

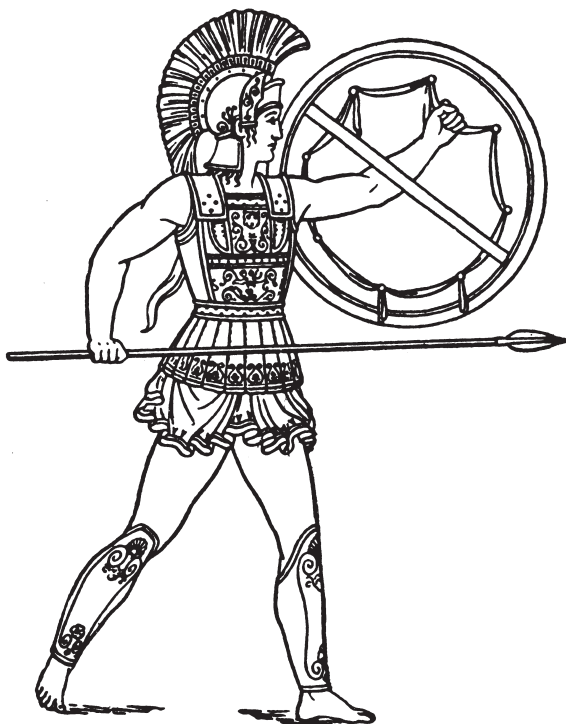
<sup>2</sup> Там же.



# ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

*Ганс Дельбрюк:*  
«История военного искусства  
в рамках политической истории»

*Первая часть. ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА.  
Вторая часть. ГЕРМАНЦЫ.  
Третья часть. СРЕДНИЕ ВЕКА.*



Афинский гоплит

---

---

## 1. МЕТОД

...Сущность своего исторического метода он (Ганс Дельбрюк. — Ред.) определяет сам как внутренне непрестанное взаимно контролирующее соединение критического анализа слов и событий. «Не может быть истинной критики событий без достоверной, филологически правильной основы, и не может быть правильной филологической критики без критики факторов». «Правильный, единственно достоверный метод — не тот метод, при котором, за неимением достоверных сведений, пользуются менее достоверными, стараясь сделать их более или менее вероятными, но тот метод, при котором твердо и резко разграничивают, что следует считать правильно переданным и что нельзя считать таковым». Несколько примеров дадут лучшее представление об этом методе, чем длинные рассуждения.

Войско, которое персидский царь Ксеркс привел в Грецию, определялось греческим историком Геродотом совершенно твердо в 4 200 000 человек, включая сюда и обоз. Армейский корпус в немецком походном порядке занимает около трех миль (без обоза). Походная колонна персов должна была, следовательно, растянуться на 420 миль, так что, когда передовые отряды подошли к Фермопилам, последние отряды должны были еще лишь выступить из Сузы по ту сторону Тигра. Немецкий армейский корпус везет с собой артиллерию, зарядные ящики, занимающие много места; войско древних времен могло бы поэтому занять несколько меньшее пространство. Но, с другой стороны, персидское войско имело наверняка очень слабую походную дисциплину, которая может быть достигнута лишь при очень точном расчленении войскового организма, при непрерывном внимании и напряжении. Без маршевой дисциплины колонны очень быстро растягиваются на двойную и тройную длину. Таким образом, персидские войска, и при отсутствии у них артиллерии, с трудом могут быть приравняемы к современному войскам по количеству необходимого для их передвижения пространства. Следовательно, цифра Геродота невероятна.

В своей книге о галльской войне Цезарь рассказывает о гелл-ветах, что они передвигались с женщинами и детьми, отыскивая

новые места для поселения; по его утверждению, вся масса насчитывала в общем 368 000 человек и везла с собой съестных припасов на три месяца. По вычислениям, которые произвел Наполеон III в своей «Жизни Цезаря», для перевозки только одной муки потребовалось бы 6000 четырехконных повозок; еще 2500 повозок он считает необходимыми для перевозки багажа — по 15 килограммов на человека. Обоз из 8500 повозок, сходя по 15 метров на повозку, займет пространство в 17 немецких миль. При состоянии дорог в тогдашней Галлии повозки редко могли ехать по несколько в ряд. В узких же местах дороги ряды должны были задерживаться даже и в том случае, если можно было двигаться полем. Походная дисциплина, несомненно, была слаба, часто происходили заторы и интервалы, повозки были запряжены преимущественно быками. К этому надо прибавить огромное количество мужчин, женщин и детей, а также упряжный скот, стада и молодняк. В конце концов г. Дельбрюк высчитывает до мелочей, что такой обоз совершенно не мог бы двигаться. Таким образом, количество передвигавшихся геллетов, указанное Цезарем, сильно преувеличено.

Вот пара взятых наудачу примеров, чтобы пояснить метод Дельбрюка. Сами по себе они не говорят слишком много; геродотовские цифры, относящиеся к персидскому войску, и ранее брались под сомнение, а глава Цезаря о геллветах также много раз была предметом критики. Что действительно ново в работе Дельбрюка, и что дает ей исключительную ценность — это последовательное и ясное применение определенного принципа, жесткое проведение его через всю военную историю, вследствие чего она принимает существенно новый вид. Надо отметить, что точное восстановление чересчур преувеличенной численности войск проходит красной нитью через все три тома, от персидских войн к бургундским войнам, которыми и заканчиваются вышедшие до сего времени в свет тома работы Дельбрюка.

Войско Карла Смелого под Гранзоном определялось швейцарскими современниками в 100 000 — 120 000 чел.; под Муртеном он имел будто бы в три раза больше. На самом же деле при первой битве в его распоряжении было около 14 000 чел., а при второй — на несколько тысяч больше. Швейцарцы, которым хотелось бы иметь перед собой неизмеримо большие силы, на деле имели в обеих битвах серьезный численный перевес. Лишь под одним Гранзоном они убили будто бы 7000 бургундцев; в действительности же было убито 7 рыцарей и несколько рядовых воинов. Войска гуситов, наводившие ужас на всю Германию и описывавшиеся как необозримые полчища, насчитыва-

ли всего 5000 чел. И так было до самого новейшего времени, как указывает Дельбрюк еще в первом своем томе. Эрнст-Мориц Арндт определял в 1814 г. общие потери людьми во всех наполеоновских войнах более чем в десять миллионов чел.; позднейшее исчисление не достигает и двух миллионов, из которых четвертая часть падает на французов, но весьма возможно, что и эти цифры значительно преувеличены. Во всех научных описаниях так называемых освободительных войн говорится, что в бою под Гагельсбергом бранденбургский ландвер разбил прикладами черепа 4000 французов; Трейчке даже пишет: «Из своих 9000 чел. Жерард вывел лишь 1700 чел. из ужасов этой битвы ландвера»; на самом же деле под Гагельсбергом было убито около 30 французов.

Этот метод Дельбрюка сам по себе тоже не нов; первым его представителем можно считать, пожалуй, англичанина Георга Грота, который, пользуясь своим практическим знанием современной демократии, восстановил историю афинской демократии, превратившуюся в передаче антидемократических писателей, при односторонней формальной критике боязливых немецких филологов времен Французской революции и карлсбадских решений, в тенденциозную сказку. Опыт Грота подействовал благотворно на немецких историков, хотя далеко не основательно, как это нам еще покажет и сам г. Дельбрюк. Однако в области своего специального исследования истории военного искусства Дельбрюк действует так же решительно, может быть, даже еще решительнее, чем Грот, и мы не знаем, может ли какой-нибудь другой немецкий историк сравняться с ним в этом.

Центр тяжести его метода лежит в полном проникновении, во взаимном контроле критики слов и критики фактов. Однако при этом все же угрожает опасность или повторить какое-нибудь неверное предание, так как неизвестно, был ли случай, о котором оно говорит, или же перенести явление из нынешней практики в прошлое, не обратив достаточного внимания на разницу в условиях. Этим опасностям буржуазная история подвергалась бесконечно долго и бесконечно часто; эта опасность в первую очередь угрожает новаторам вроде г. Дельбрюка. Однако благодаря своему основательно-му техническому знанию военного дела, он, в общем, ее удачно избегает — во всяком случае удачнее, чем Моммзен, на которого он ссылается. В «Римской истории» Моммзена стремление освещать события древности под углом зрения современных событий часто превращается в настоящую магию, которая больше мешает, чем объясняет.

Поистине ужасно то побоище, которое г. Дельбрюк устроил античным авторам и средневековым летописцам, прежде всего, конечно, в области военно-научных исторических суждений, часто переходящее, однако, и в другие области вследствие того, что военное дело не может рассматриваться совершенно изолированно; у многих старых господ профессорского цеха, в течение тридцати или сорока лет пользовавшихся в своих записях «источниками» древности и средневековья, парики встали дыбом. Одного из этих чудачков, выступившего против первого его тома, Дельбрюк с большим юмором разделявает во втором томе.

Но странное противоречие! — тот самый человек, который так мало церемонится со светскими авторитетами античной литературы, посвящает работу своему «родственнику и верному другу Адольфу Гарнаку», историку церкви, стремящемуся защитить историческую правдивость Евангелия от критики Штрауса и Бауэра.

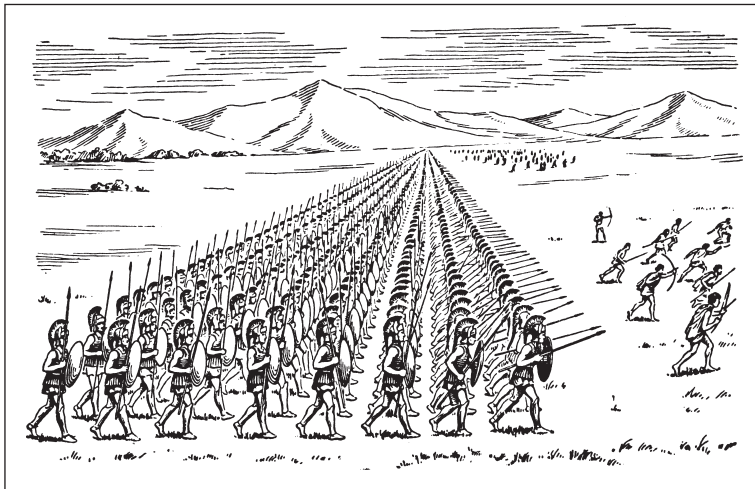
Если правильны принципы исторического исследования, на которых строит свою работу г. Дельбрюк, то под солнцем нет более ужасного преступника перед историческим познанием, чем г. Гарнак.

## 2. МАРАФОН И ФЕРМОПИЛЫ

Дельбрюк начинает свою историю военного искусства с персидских войн, с того исторического периода, относительно которого у нас существуют более или менее верные сведения, хотя и значительно искаженные легендами, записанными со слов ближайших поколений.

Персидское войско переправилось через Эгейское море и высадилось на Марафонской равнине, за 490 лет до нашей эры в количестве, которое неизвестно в точности, но которое, во всяком случае, превышало силы, имевшиеся у афинян. Это было войско профессиональных солдат, состоявшее из лучников и всадников.

Афинское войско, наоборот, было ополчением граждан, закованной в панцири пехотой, с копьями приблизительно в два метра длины, шлемами, латами, ножными латами, щитами как оборонительным оружием и небольшими мечами как вспомогательным оружием. Эти гоплиты, как они назывались, соединялись в тесно сплоченный тактический строй — фалангу. Фаланга представляла собой непрерывный развернутый строй в несколько шеренг с изменяющейся глубиной, часто в 8 или 12 и даже 25 чел. По данным с греческой стороны, афинское войско

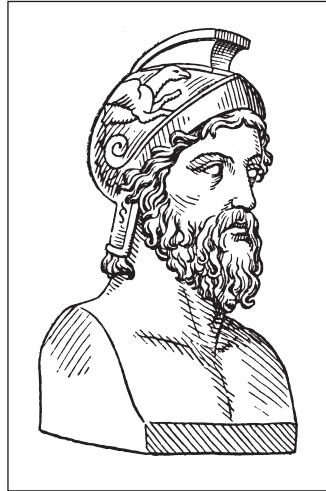


Афинская фаланга

под Марафоном достигало 10 000 чел., включая в это число или же сверх него еще 1000 чел. платейцев, но эти цифры ни в коем случае не внушают доверия. Платея — очень небольшой городок, а судя по тому количеству войска, которое Афины смогли выставить 10 годами позже, после могучего развития своей силы и благосостояния, невозможно предположить, чтобы этот бедный город уже в 490 г. мог выставить 10 000 или хотя бы 9000 гоплитов с их дорогостоящим вооружением. Под Марафоном было вряд ли более 5000 гоплитов, причем каждого из них сопровождал невооруженный слуга.

После долгого спора, следует ли ожидать нападения персов в городе или же выступить навстречу врагу, афиняне приняли, по совету Мильтиада, более смелое решение: они выступили и заняли позицию в небольшом ущелье в горах, окружающих со всех сторон Марафонскую равнину, — в долине Врана, по которой шел путь на Афины. На Марафонскую равнину афиняне не могли спуститься, так как при существовавшей комбинации персидских сил фаланга афинян, будучи атакована с фронта лучниками, а с боков — всадниками, была бы неизбежно разбита. Поэтому она (фаланга) загрозила при входе в долину Врана дорогу на Афины; с флангов она была защищена горами и могла, не имея на своей территории никаких забот о снабжении, спокойно ожидать прихода спартанцев, помощи которых афиняне затребовали через своего гонца.

Оба войска, таким образом, стояли друг против друга три дня. Персидские полководцы медлили атаковать сильные позиции афинян, хотя им ничего не оставалось больше делать, если они хотели пройти к Афинам. Если бы у них было большое численное превосходство, которым они будто бы обладали по преданиям, то очень легко было бы сказать и еще легче было бы выполнить то, что могло дать им победу. Часть войск могла бы удерживать афинян на месте, тогда как другая часть обошла бы их и заставила бы покинуть эту сильную позицию. И если персидские полководцы Датис и Артаферн не попытались этого сделать



Мильтиад

и после многодневного колебания бросились быку на рога, лишь бы не дожидаться прибытия спартанцев, — это веско доказывает, что они ни в коем случае не превосходили значительно численность афинян, а могли быть, даже были слабее их.

По рассказу Геродота, афиняне, произведя контратаку боем на расстоянии восьми стадий, обрушились на врага и опрокинули его. Но это — очевидная небылица. Ни греческая фаланга, ни какая-нибудь другая организованная боевая часть не может пробежать  $1\frac{1}{2}$  километра, т. е. пятую часть немецкой мили, не придя в полный беспорядок и не сделавшись легкой добычей врага. По прусскому регламенту упражнений для пехоты, бег в походном снаряжении не может продолжаться более двух минут на протяжении 350 шагов, если войска должны быть брошены на врага с неослабленной энергией. Дельбрюк опровергает столь же остроумно, как и достоверно, эту явную ошибку Геродота: как раз на расстоянии 8 стадий от долины Врана возвышается могильный курган, насыпанный афинянами в честь их павших воинов на том месте, где произошла не первая, но последняя стычка.

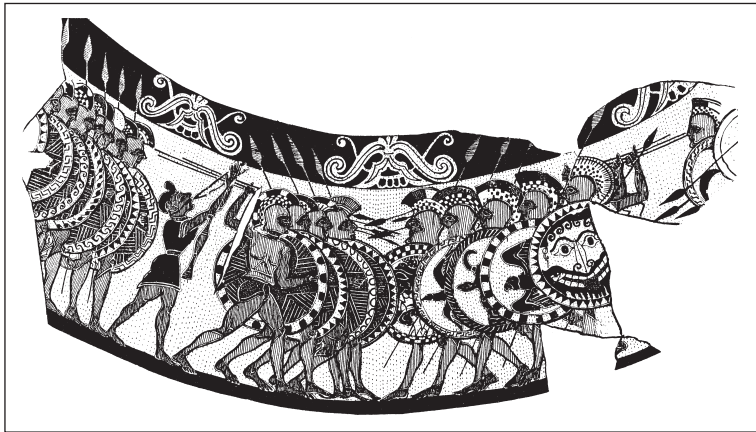
На этом кургане стоял Геродот, и ему рассказывали, что до этого места на 8 стадий от долины продвигались вперед афиняне, но не в атаке, как понимал Геродот, а, как это хотел выразить его собеседник, в процессе боя и преследования. Совершенно непонятно, почему это очень правдоподобное толкование, ко-

торое впервые делает понятным ход битвы и не наносит большого вреда почтенному Геродоту, вызвало следующее насмешливое замечание досточтимого филолога фон Вилламовиц-Меллендорфа: «Сказочный пробег никого не должен смущать. Артемида дала им силу для этого и получила в благодарность жертвоприношение козлом. Не следует вследствие предубеждения и непонимания оспаривать, что твердое упование на бога и собственные хорошие качества принесли победу, несмотря на все измышления человеческого маловерия».

Благодаря этому исправлению Геродота при помощи прусского устава ход битвы становится совершенно ясным. Мильтиад дал подойти наступающему врагу на дистанцию в 100 или 150 шагов, пока не сделались чувствительными стрелы персидских лучников; тогда он приказал фаланге броситься бегом на врага. Бег имел двойную цель — усилить физически и морально удар атаки и затруднить стрельбу лучников. При коротком пробеге конница противника не имела достаточно времени, чтобы атаковать фалангу с боков. Массы лучников, с их очень несовершенным предохранительным вооружением, рассеялись под натиском этого удара, и когда после короткого сопротивления начался общий поток бегства по всей равнине, персидская конница не могла уже изменить ход сражения. Все персидское войско поспешило к кораблям, и ему удалось уйти, так как оно получило передышку в то время, когда Мильтиад собирал на месте, где сейчас возвышается холм, своих опьяненных победой людей и подготавливался к новой битве против кораблей, из которых в конце концов было захвачено лишь семь.

Дельбрюк высказывает свое суждение относительно битвы: «На пороге мировой военной истории стоит исполинская фигура полководца Мильтиада; самая совершенная и трудная форма ведения боя, которую когда-либо, до самого новейшего времени, применяло военное искусство, — оборонительно-наступательная — выступает перед нами в простых линиях классического шедевра. Какой кругозор в выборе позиции, какое самообладание при ожидании вражеского нападения, какой авторитет в массах, состоявших из сознательных демократических граждан, — авторитет, столь необходимый для того, чтобы удержать бойцов на избранной позиции, а в решительный момент повести их в атаку беглым шагом... Все рассчитано на этот момент; ни минутой ранее — иначе афиняне достигли бы врага в беспорядке, задыхаясь от усталости; ни минутой позже — иначе стало бы попадать в цель слишком много вражеских стрел, и огромное количество падающих и колеблю-





Бой фаланг.

Изображение на чернофигурной пелопоннесской вазе IV в. до н. э.

щихся ослабило и сломило бы, наконец, силу атаки, которая должна была обрушиться на врага как горная лавина, чтобы достигнуть победы. Мы знаем лишь нечто подобное этому, но не более великое, чем это».

Значение этой битвы несколько не ослабляется оттого, что легенда сменяется здесь историей; греческие писатели находят-ся в странном противоречии с самими собой, рисуя персов то великолепными, храбрыми воинами, то большими трусами, которых гонят в битву плетьюми. Но совершенно ясно, какое из этих мнений должно взять перевес. В экспедицию на Грецию персидский царь послал, несомненно, лучшие свои войска, и разговоры о трусости персов возникли лишь из необходимости объяснить, как могло небольшое греческое войско победить во много раз большее количественно войско персов. Фактически под Марафоном ополчение граждан маленькой республики разбило отборное регулярное войско могущественного деспота. Для легенды это очень сложное явление; «понятие о качестве для масс слишком тонко, они превращают его в понятие о количестве», — думает г. Дельбрюк с тем истинно гегельянско-марксистским уклоном, который заставил бы его задрожать от ужаса. Таким образом, история далеко превосходит легенду, согласно которой горсть храбрых греков обратила в бегство необозримые массы трусливых персов.

Персидский царь Дарий не примирился с поражением и снарядил теперь для покорения Греции большое войско, которое



**Тяжеловооруженный  
персидский всадник**

повел в Грецию после его смерти сын его Ксеркс в 480 г. Войско было слишком велико, чтобы можно было переправить его на кораблях, и так как предполагалось покорить всю Грецию, то также и по этой причине персы решили идти сушей, чтобы на своем пути принудить к признанию персидского владычества все независимые племена. Войско сопровождал большой флот, чтобы облегчить его снабжение и поразить греков на море.

Относительно этой второй персидской войны, происходившей при несравненно

более сложных условиях, мы осведомлены гораздо менее, чем относительно первой, и искажения легендарного характера не поддаются такому легкому исправлению. Решительная битва у Саламина была морской битвой; здесь отсутствует местность, которая так помогла при Марафоне установить ход событий. После своего поражения у Саламина Ксеркс покинул с флотом театр войны, оставив, однако, свое сухопутное войско под предводительством полководца Мардония на греческой территории. Через год после этого оно было разбито под Платеей греческим войском под командой спартанского царя Павзания; поскольку позволяют судить недостоверные и часто противоречивые сообщения, оно было разбито таким же способом, как и под Марафоном.

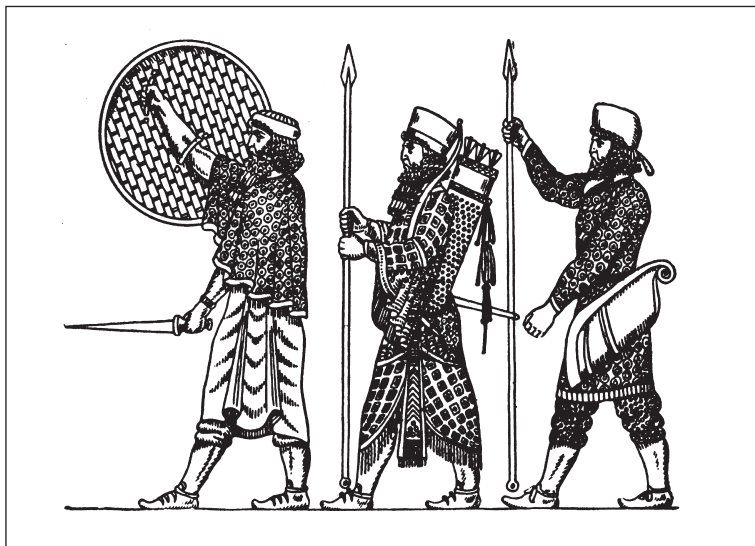
Из этого второго персидского похода могут быть сделаны лишь два вывода: сказания о бесчисленных массах персов относятся, собственно, к войску Ксеркса. Геродотовские 4 миллиона (из которых 2 миллиона бойцов) следует, конечно, отбросить, хотя один французский исследователь новейшего времени, которому нельзя отказать ни в знаниях, ни в проницательности, соглашается уменьшить массу персидского войска в 1 700 000 лишь на одну или две сотни тысяч. Другие исследователи древности согласны на большие уступки, но все же и они допускают существование стольких сотен тысяч, сколько миллионов насчитывает Геродот. Г-н Дельбрюк и здесь подходит к делу решительно: он оценивает общую массу

персидского войска в 60 000—80 000 чел., из которых лишь 25 000 являлись настоящими бойцами.

Возможно, что он заходит здесь несколько далеко; по его собственному мнению, кое-что в этих цифрах может еще нуждаться в исправлении в том смысле, что они могут быть слишком низки. Во всяком случае, вместо геродотовских миллионов вопрос идет о лишнем десятке тысяч. В основном пункте — в методическом принципе исследования — Дельбрюк, несомненно, прав. Если численность войска, указанная Геродотом, кажется чистой фантазией, совершенно немыслимой в действительности, то такой же чисто фантастической забавой, лишенной всякого научного значения, было бы уменьшение этих чисел до тех пор, пока они не покажутся возможными и допустимыми. Единственно правильным методом является — определить на почве критики фактов, какой численности могло достигать персидское войско в действительности.

По Геродоту, греки имели под Платеей 110 000 чел., из них бойцов около 38 000. Эти цифры уже потому неправдоподобны, что такая армия представляла совершенно непреодолимые для того времени трудности снабжения; такую массу греки не могли прокормить продолжительное время в одной и той же местности. Кроме того, они послали флот с 20 000 гоплитов, чтобы принудить Ионические острова к отпадению от персидского владычества; они не могли держать для сухопутной войны и 40 000 гоплитов. При тогдашних экономических ресурсах греческих государств они могли выставить у Платеи от 15 000 до 20 000 гоплитов и такое же число легковооруженных бойцов. Из того, что греки не решались на битву в открытом поле, следовало, что у Мардония был перевес; но разница ни в коем случае не была очень велика, так как персидскому полководцу никогда не удавалось тем или иным маневром вытеснить греков из их оборонительной позиции у Киферона. Самое большее, что персы могли иметь под Платеей, — это 25 000 тяжеловооруженных бойцов; сообразно этому Дельбрюк и определяет сухопутное войско, приведенное Ксерксом в Грецию. Потери, которые оно понесло до Платейской битвы, он компенсирует отрядами, выставленными подчиненными греческими племенами и морскими солдатами, оставленными Ксерксом при его возвращении в Персию.

Между 25 000 и 2 000 000 или же, если считать всю массу войска, между 70 000 и 4 000 000 действительно огромная разница, и невольно возникает вопрос, как могла она образоваться даже и в легенде. Г-н Дельбрюк отвечает на это, что в военной



«Бессмертные» персидского войска

истории снова и снова можно увидеть, как трудно даже для опытного глаза правильно оценивать большие человеческие массы. Мольтке рассказывает в своей истории русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг., что после перехода Дибича через Балканы один турецкий офицер, посланный на разведку, вернулся с донесением, что легче сосчитать листья в лесу, чем головы во вражеском войске, хотя у Дибича было лишь 25 000 чел. Если принять во внимание, что 70 000 чел. Ксеркса продвигались с большим количеством лошадей при плохой походной дисциплине по узким, неровным дорогам, перерезанным возвышенностями, реками и другими естественными препятствиями, то ясно, что они образовывали колонну, по меньшей мере, на 10 миль в глубину; у жителей, которые в течение целых дней видели все новые и новые войска, исчезло всякое представление о цифрах, и фантазия их получила полную свободу.

Второй вывод, на котором мы задержимся еще одну минуту, касается боя при Фермопилах, слава которого стала такой же баснословной, как и слава Марафонской битвы. Запирать горные проходы перед подавляющей наступающей силой всегда ошибочно: через каждый горный хребет ведет всегда много дорог; все их занять очень трудно, а все защитить невозможно, — и без предателя Эфиальта персы нашли бы себе дорогу в обход

Фермопил. Если хотят использовать горный хребет как прикрытие, то теория тактики требует, чтобы главные силы были расположены против дорог, ведущих через хребет, с тем чтобы разбивать наголову отдельные отряды врага, которые будут постепенно продвигаться вперед. Кажется, что здесь греки сделали, таким образом, большую ошибку.

В действительности дело обстояло иначе. Было совершенно невозможно, чтобы греки могли использовать Эту как прикрытие в только что указанном истинном значении этого слова; они не могли объединить здесь все свои силы и дать наступательное сражение. От гражданского ополчения нескольких мелких республик нельзя было ожидать, чтобы оно отослало так далеко от родины свои объединенные войска, поставив их под опасность большой битвы; к тому же большая часть греков, а именно афиняне, были намерены искать решительного столкновения на море, где оно и произошло.

Однако, прежде чем греки выиграли битву у Саламина, была отдана персам не только вся средняя Греция, но пришлось даже очистить и самый город Афины. Если бы страна была отдана врагу без малейшего сопротивления, это оказало бы крайне деморализующее действие. Поэтому и было произведено занятие Фермопильского ущелья, а одновременно с этим нападение греческого флота на персидский у мыса Артемизиона. В случае победы флота открывалась возможность, что Ксеркс откажется и от нападения со стороны суши. Однако под Артемизионом оба флота сражались в течение нескольких дней без решительного результата, и в конце концов греческий флот отступил; он ожидал крупного подкрепления и хотел исправить понесенные повреждения в родных гаванях, что для персидского флота было гораздо затруднительнее.

Вместе с тем исчезла всякая рациональная цель занятия Фермопильского ущелья. Маленькому войску, под командой спартанского царя Леонида, оставалось или погибнуть, или возвратиться обратно. «Критики говорят, что Леонид должен был отступить, — во всяком случае, критики отступили бы». Таково остроумное выражение Генриха Лео. Леонид хотя и приказал своему небольшому войску отступить при известии о наступлении персов, но сам с тремястами спартанцев остался, чтобы прикрыть отступление и принести себя в жертву доказать, что формально ошибочная защита ущелья в действительности лишь подготовляла конечную победу. Леонид учитывал моральный элемент войны. Для будущих сражений имело неизмеримо большее значение то, что вступление в коренную Элладу не обошлось для варваров без боя.

Сами греки именно так и понимали битву под Фермопилами, как это показывает их классическая надпись на могиле Леонида и его трехсот спартанцев:

«Странник, возвести Спарте, что мы легли здесь все триста, повинясь законам отечества».

### 3. ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

Совсем другой характер, чем персидские войны, имеет война Пелопоннесская. Ее характеризовались главным образом различием борющихся сил в вооружении и тактике. Здесь греки боролись с греками, но таким образом, что одна сторона имела на море такое же большое превосходство, какой другая имела на суше.

Вследствие этого была поставлена совсем иная задача стратегического характера. В персидских войнах стоял вопрос о крупных решениях — о том, покорит ли персидский царь Грецию или же будет прогнан оружием обратно. Наоборот, Пелопоннесская война продолжалась 27 лет, без какого-либо решительного сражения и кончилась взаимным истощением и опустошением, подобно Тридцатилетней и Семилетней войнам новейшего времени.

Разница, впервые проявившаяся между персидскими войнами и Пелопоннесской войной, постоянно наблюдается и в дальнейшей истории военного искусства: это — разница между войной на уничтожение и войной на истощение. Эти войны отличаются по своим целям и средствам, но свойственное им различие является и руководящей нитью, которую никогда не следует терять из виду тому, кто хочет разобраться в лабиринте истории. Можно прийти к самым нелепым, ложным выводам, если войну, ведущуюся по законам стратегии на истощение, оценивать по законам стратегии на уничтожение.

Дельбрюк говорит, что как в лице Мильтиада, Леонида, Фемистокла, Павзания эллины выдвинули гениальные творческие головы, которые, как только возникла необходимость в стратегии на уничтожение, поняли ее во всей глубине, разрешая поставленные перед ними задачи с классической твердостью, так в Перikle проявился человек, про которого можно сказать то же в отношении стратегии на истощение. Перикл понимал, что его город, т. е. Афины, был слабее Пелопоннесского союза, и делал отсюда с неумолимой логикой вывод, что афиняне не должны вступать ни в какие большие сухопутные битвы, не должны защищать свои владения от вражеских втор-

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<b>История военного искусства</b>	<b>7</b>
1. Метод	8
2. Марафон и фермопилы	11
3. Пелопоннесская война	20
4. Ганнибал и Цезарь	51
5. Битва в Тевтобургском лесу	57
6. Средние века	70
7. Швейцарцы	74
<b>Военно-исторические экскурсии</b>	<b>83</b>
<b>Внешняя и военная политика Фридриха II</b>	<b>161</b>
1. Дипломатия и стратегия Фридриха	162
2. К психологии Семилетней войны	174
<b>Войны эпохи Французской революции</b>	<b>199</b>
1. Крестовый поход против революции	200
2. Красный террор	210
3. Конец Польши	217
4. Базельский мир	222
5. Окончательное решение имперской делегации	226
6. Аустерлиц	233
<b>Катастрофа (Йена и Тильзит)</b>	<b>243</b>
1. Как возникла война	244
2. Выступление	251
3. Две битвы	256
4. Отступление	265

<b>СОДЕРЖАНИЕ</b>	<b>525</b>
5. Пренцлау и Раткау	269
6. Капитуляция крепостей	272
7. Поход в восточную Пруссию	275
<b>От Тильзита до Таурогена</b>	<b>283</b>
1. Введение	284
2. Тильзитский мир	290
3. Военная реформа	296
4. Война 1809 года	308
5. Русский поход	317
6. Таурогенское соглашение	325
<b>От Калиша до Карлсбада</b>	<b>331</b>
1. Калишское воззвание	332
2. Ландвер и Ландштурм	344
3. Весенний поход	351
4. Перемирие	359
5. Осенний поход	365
6. Зимний поход	377
7. Парижский мир	387
8. Венский конгресс	390
9. Сто дней	398
<b>Милиция и постоянное войско</b>	<b>407</b>
<b>Пища для Молоха</b>	<b>453</b>
<b>Военно-исторические проблемы</b>	<b>463</b>



Франц Мерінг

# ІСТОРІЯ ВОЙН ТА ВІЙСЬКОВОГО МИСТЕЦТВА

*(Російською мовою)*

Підписано до друку 26.03.2020 р. Формат 60x84 1/16.  
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.  
Ум. друк. арк. 33. Титраж 300 прим.

ТОВ «Центр учбової літератури»  
вул. Лаврська, 20 м. Київ

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи  
до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів  
видавничої продукції ДК № 2458 від 30.03.2006 р.

## Книги, які можуть вас зацікавити



Статути збройних сил  
України: збірник законів



Записки стратегії.  
Репринтне издание



[Перейти на сайт](#) →